

Глава 1.

СССР — в центре всемирного разворота истории

1.

1989 год — рубеж, от которого пошло **иное время**.

Это — **пятый год** Горбачева у власти. Задуманная им реформа имела простую и понятную цель — улучшить жизнь людей, вывести ее на уровень, достойный великого народа. Вместе со своими коллегами по руководству Горбачев приложил немало усилий, чтобы поправить положение в народном хозяйстве и в социальной сфере.²

Однако, по мере умножения объективных препятствий и усиления сопротивления со стороны номенклатуры, становилось ясно, что решить «простую задачу» невозможно без радикальной политической реформы.

Стержневой идеей горбачевских преобразований была **демократизация**. А формой и орудием ее внедрения в жизнь — **гласность**. Возрождение к жизни этого старинного русского понятия — на фоне прекращения преследований по идеологическим мотивам — поменяло всю общественную атмосферу.

1989 год был «подготовлен» XIX партконференцией (лето 1988 года). Государственный статус КПСС, не оправдавшей надежд как авангард перестройки, поставлен был под во-

² См. Горбачев М.С. Жизнь и реформы. — В двух книгах. — М.: АО «Издательство «Новости», 1995; Горбачев М.С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2006; В Политбюро ЦК КПСС... (1985-1991). Изд-е 2-е, исправленное и дополненное. — М.: Горбачев-Фонд, 2008. Brown A. Seven years that Changed the World. Perestroika in Perspitive. N.Y. Oxford University Press, 2007;

Archie Brawn. «The rise and fale of Communism». Harper Collins Publishers. Gr. Br. 2009.

Jargues Levesque «The Enigma of 1989» (Translated from French). University of California Press Berkeley, Los Angeles, London, 1997; Marchall Y. Goldman. Gorbachev's Chalenge. N-Y, Lond., 1987;

Thomas H.Naylor. The Gorbachev strategy. Opening the Closed Society Lexington Books. 1988.

прос³. Государству предстояло преобразиться из «коммунистическо-идеократического» в «светское».

А в 1989 году был сделан решающий шаг в этом направлении.

Ключевым событием в процессе демократизации стал Первый съезд народных депутатов СССР (май-июнь 1989 года). Необычайность ситуации потребовала и необычных идей.

Оригинальным был сам замысел такого собрания, порывавший с закостеневшим порядком вещей.

Первые за советские годы свободные (почти), альтернативные выборы в высшие органы власти (26 марта) дали поразительные результаты: 30 секретарей обкомов и крайкомов были забаллотированы, не считая десятков других партийных, государственных и военных чинов. Выборы и само содержание съезда несли в себе, пока в скрытом виде, близкую перспективу ликвидации монополии КПСС на власть.

Выборы на Съезд были самыми спокойными и **честными** за все последовавшее 20-летие нашей истории. И самыми массовыми — почти 90% избирателей. Оригинальной была идея представительства также и от общественных организаций. Именно оно (750 депутатов) стало интеллектуальным бродилом в традиционно «агрессивно-послушном большинстве» депутатов. Без этого будоражащего очага Съезд не стал бы тем, чем стал. Неординарным было и «изобретение» пресловутой «красной сотни» — не только благородный жест Горбачева в отношении своих коллег, но и способ балансировать еще вполне примитивную демократию. Зал (и многомиллионные телезрители) испытал «визуальный шок», когда обнаружил членов Политбюро не в президиуме, как за все предыдущие десятилетия, а в зале, по алфавиту «в общем порядке».

Плюрализм дебатов, разбивший «дисциплинарное» единство официально верховного органа власти, перерос в противопоставление позиций, породил такое явление, как (страшно сказать!) фракционность. Впрочем, сама идея фракции не

³ Дискуссия о ст. 6-ой Конституции СССР, устанавливавшей монополию КПСС на власть, развернулась во второй половине 1989 г.; новая редакция 6-ой статьи, отменявшая это положение, была принята Ш съездом народных депутатов СССР в марте 1990 г.

чужда была Горбачеву: он даже собирал отдельно «фракцию депутатов-коммунистов», хотя и выглядело это странным, — ведь почти все депутаты были членами КПСС!

Необычным и смелым было решение транслировать Съезд в прямом эфире ТВ, что превращало его в своего рода всенародное «вече». Съезд стал торжеством гласности. Важнейшим актом Съезда было принятие по докладу Горбачева постановления «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР». Тем самым принципы этой политики закреплялись законодательно. И пока еще не все удалось затоптать.

В самой конструкции Съезда народных депутатов СССР как нового высшего органа власти и в его работе отразились назревшие проблемы и противоречия трансформации союзного государства. Съезд призван был заложить институциональную основу демократизации общества и государства и одновременно стать крупным шагом в преобразовании унитарного государства в действительно демократическую федерацию. Такая форма верховной власти, как Съезд народных депутатов, непосредственно избираемых в республиках, должна была повысить их статус, их голос в Союзе.

Вместе с тем перетекание власти от партии — общесоюзного монолита — к советам, которые изначально по Конституции имели национальную «окраску», как бы «легализовало» требования большей самостоятельности со стороны союзных, а также и автономных республик. В Прибалтике — сразу же потребовали государственной независимости.

Уже первые дни работы Съезда обнаружили остроту национального вопроса. В ответ на упреки и обвинения со стороны депутатов из Прибалтики писатель Валентин Распутин поставил вопрос о возможном выходе Российской Федерации из СССР. И чем дальше, тем яростнее разгоралась полемика вокруг отношений Центра и республик.

Съезд положил начало российскому парламентаризму. Вместе с тем он закрепил **принципиально новое** положение СССР в Международном сообществе.

Первый Съезд народных депутатов СССР, при всех его слабостях, непоследовательности, недоделках и необяза-

тельности многих выводов и последствий, заслуживает того, чтобы быть оцененным как **попытка прорыва** к новому качеству развития страны. Она несла в себе исторический **шанс** — становления системы народовластия и народоправства.

На внешнеполитическом поле перестройки этот **шанс** для принципиально нового развития готовился не менее энергично и более успешно. Горбачев начал демонтаж «железного занавеса», **открывая страну внешнему миру**.

Первым пунктом здесь надо поставить **уход из Афганистана** (завершился в феврале 1989 г.). Это имело многосмысловое принципиальное значение — внутри самой нашей страны не меньшее, чем вовне.

- Впервые советское руководство во внешних делах прислушалось к голосу народа, который (как и армия) не понимал и отвергал эту неспровоцированную интервенцию.
- Прекратился поток «груза 200» и искалеченных — жертв военной авантюры.
- Сократились столь необходимые для собственных нужд миллиардные поставки в эту «черную дыру».
- Подтверждено на деле, что «новое мышление» — не демагогия, а реальная политика; возвысился и приобретал новое качество международный авторитет СССР, возникло доверие к его руководству.
- Экспансионистский, великодержавный, «чужеродный» для Запада облик СССР стал размываться, терял свою убедительность.
- Урок Афганистана означал, что отныне (и навсегда при Советской власти) советские войска не будут использоваться в каких бы то ни было целях за границей. Таково было решение Политбюро.
- Самоосуждение интервенции показало важность включения морального фактора в политику, который позволяет также исправлять ошибки.

Другим крупнейшим событием 1989 года стала **нормализация советско-китайских отношений**. Визит Горбачева в Китай в мае того года проходил в условиях общего демократического подъема в тогдашнем мире, особенно в Европе. В КНР,

пережившей ранее маоистскую «культурную революцию», где в качестве главной боевой силы была использована молодежь, вновь поднималась молодежная волна.

Массовые молодежные выступления начались еще в апреле 1989 года. Площадь Тяньаньмэнь была занята студентами. Они требовали социальной защищенности, соблюдения гражданских прав. В беседе с Горбачевым генеральный секретарь КПК Чжао Цзяян, сочувствовавший студентам (вскоре его сняли), объяснял ситуацию так: Китай длительное время придерживался старых моделей, изживших себя порядков, которые были скопированы с СССР, необходимы реформы, в том числе политические...

Трагические события на Тяньаньмэни в начале июня 1989 года обрушились стремительно. В столице было объявлено военное положение, введены войска, включая танки, и в ночь на 4 июня площадь была «очищена». По официальным данным, более двухсот погибло, три тысячи ранено, а по данным китайского Красного креста, погибло более 2000 человек и около десяти тысяч ранено. Потом пошли публичные казни «зачинщиков». Таков был пролог к «китайскому чуду».

С демонтажем железного занавеса напрямую связана **начавшаяся в 1989 году системная трансформация в странах Восточной Европы.**

Глубина преобразований в Советском Союзе показала, что перестройка — это всерьез, что принцип свободы выбора вышел и на международную арену и что теперь союзникам-сателлитам СССР уже можно не опасаться военного вмешательства со стороны «старшего брата». Тем самым открывался путь для демократических освободительных процессов в странах Восточной Европы, которые к тому же получили сильный импульс из самого центра «социалистической системы».

Уже в 60-х годах здесь обнаружилось исчерпание экстенсивных источников развития экономики, началась стагнация общества. Бюрократическое окостенение партийно-политических систем управления тормозило технологический прогресс. Замедлялись темпы экономического роста. Вызревание перемен в странах «социалистического содружества» происходило подспудно, еще до перестройки в СССР. А к 1989

году эта потребность вырвалась наружу, приняв драматический характер.

Наиболее подготовленной к переменам была **Венгрия**. При Яноше Кадаре (убежденном противнике сталинизма) здесь установился относительно либеральный режим. Но и он не мог справиться с нараставшим системным кризисом. К лету 1989 года в руководстве ВСРП взяли верх сторонники отказа от руководящей роли партии и обязательной идеологии — марксизма-ленинизма. На «круглом столе» представители различных политических сил договорились об изменении Конституции, о свободных выборах. Распад режима «партии-государства» довершился на съезде ВСРП в октябре 1989 года: правящая компартия декларировала свое преобразование в социал-демократическую и сменила название.

В **Польше** трансформация проходила более бурно. Мощную оппозицию олицетворяла и возглавляла «Солидарность». Действовала при поддержке Костела. Экономический кризис 88-го года вновь поднял забастовочную волну, и власть вынуждена была пойти на переговоры с «Солидарностью», действовавшей вроде бы как «в подполье». На «круглом столе» (весной 1989 года) договорились о программе преобразований и свободных выборах в Сейм и Сенат — в результате впервые в «социалистическом содружестве» возникло некоммунистическое правительство во главе с католиком из «Солидарности» Тадеушем Мазовецким.

В **ГДР** руководство во главе с Хонеккером, фактически осудив перестройку в Советском Союзе, до последнего момента противилось реформам у себя. Но в новой международной обстановке события развернулись неожиданно быстро и грозно.

Трансформация в Восточной Германии проходила в двух планах (иначе и не могло быть) — внешнем для немцев и внутреннем. На внешнем начало положили два визита Горбачева — в ФРГ летом 89-го года и в ГДР — в первых числах октября. В Бонне, Гамбурге и других местах он увидел совсем другую страну — отнюдь не реваншистское гнездо согласно советской пропаганде. А в Восточном Берлине, где он побывал на 40-летию ГДР, увидел неминуемость скорого обвала хонекке-

ровского режима. Его крылатая фраза, сказанная там руководством СЕПГ: «Тот, кто опаздывает, того жизнь наказывает», — означала, что ключ к решению германского вопроса, который, как все знали, находится в Москве, поворачивается во вполне понятную всем сторону.

Венгры и чехи открыли свои границы для беглецов из ГДР на Запад, чего никогда бы себе не позволили, если бы не смотрели внимательно на «поворот ключа» в Москве. Это пробило с фланга такую брешь в Берлинской стене, что режим за этой «крепостной стеной» был обречен. Исход гедезровцев превратился в середине сентября в шквальный поток — 2000 человек в день. С мая — более 350.000. Митинги в городах собирали сотни тысяч, по полмиллиона охваченных порывом к свободе участников. Началось, по сути, невооруженное «восстание масс» — под лозунгами: «Мы — одна нация», «У немцев одно Отечество!» и т.п. Недвусмысленно и неодолимо выраженная **национальная воля** начала творить историю своей страны по-новому.

Отправили в отставку Хонеккера (18 октября). 9 ноября пала **Берлинская стена**. Два миллиона восторженных гедезровцев провели уик-энд в Западной Германии.

Напряжение еще больше возросло после 10 знаменитых пунктов канцлера Коля в бундестаге, по сути, был заявлен «маршрут» дальнейшего движения к единению.

Альтернатива оставалась одна: либо «Тянаньмэнь» в центре Европы, либо снятие всех препятствий на пути к воссоединению. «Народная армия ГДР» уже не могла осуществить первый вариант: ситуация напоминала то, что произошло в Петрограде в феврале 1917 года. А советское руководство не могло повторить в 100–1000-кратном размере то, что было сделано в 1953 году в Берлине. Мораль политики «нового мышления», здравый смысл и реалистичная оценка катастрофических последствий применения силы (в том числе и для самого Советского Союза) исключила и для Москвы «первый вариант».

И «процесс пошел», процесс объединения великой нации — через сложные, острые, противоречивые переговоры на всех уровнях: немецко-немецком, советско-немецком с обеи-

ми сторонами, советско-американском, немецко-американском, а также с участием всех держав-победительниц (2+4)... при по-прежнему решающей роли «большой тройки» (Москва-Бонн-Вашингтон). Но этим «заялся» уже 1990 год. «Германский вопрос», который впитал в себя все главные проблемы и противоречия послевоенного периода и холодной войны, был, по сути, решен в **1989 году**.

Получилось так, что специфика трансформации в одной из стран «социалистического содружества» дала результат общеевропейского и мирового масштаба. И достигнуто это было **мирно**, методами, которые внес в международную политику Горбачев.

В Чехословакии под покровом внешнего «порядка» скрывалось давнее и непримиримое отторжение навязанного после падения «Пражской весны» режима. К концу 1988 года оппозиционные настроения проявились открыто и приобрели организованный характер. Падение Берлинской стены произвело ошеломляющее впечатление. Непосредственным толчком к «бархатной революции» стал жестокий разгон полицией студенческой демонстрации в Праге и последовавшие тут же многотысячные демонстрации протеста.

Достигнутая на переговорах между правительством и «Гражданским форумом» (десятки объединений интеллигенции и студентов) договоренность о коренном изменении политической системы и о переходе к рыночной экономике была поддержана общенациональной забастовкой. Парламент отменил статью Конституции о ведущей роли компартии и сформировал правительство национального согласия, президентом стал Вацлав Гавел. Так мирно и быстро произошла смена режима в еще одной стране «социалистического содружества». Но это было уже не возвращение к идеям 1968 года, не реанимация «Пражской весны».

В Болгарии спусковым крючком событий стал пленум ЦК, осудивший авторитарный режим (ноябрь 1989 года). Живков был снят с руководящих постов. В манифесте, принятом на съезде БКП в начале 1990 года, Болгария была провозглашена страной демократического социализма. На «круглом столе» согласованы изменения в Конституции, включая отме-

ну монополии одной партии, разделение властей, многопартийность и свободные выборы. Однако оппозиция в лице Союза демократических сил отказалась от сотрудничества с коммунистами, хотя и переименовавшими БКП в Болгарскую социалистическую партию. В августе президентом был избран представитель оппозиции Желю Желев.

Единственной страной «социалистического сотрудничества», в которой падение режима сопровождалось кровопролитием, была **Румыния**. События в конце 1989 года развивались скоротечно. Чаушеску только что на очередном партийном съезде назвал его «съездом великих побед, торжества социализма, полного проявления независимости и суверенитета Румынии». Однако в румынском руководстве уже сложилась группировка, искавшая способ убрать Чаушеску.

Жесткий тоталитарный режим в Румынии исключал мирную трансформацию. Поводом для развязки стали демонстрации венгерского меньшинства в Трансильвании. Брошенные против демонстрантов силы безопасности и армия стали переходить на их сторону. 22 декабря режим Чаушеску был свергнут. Сам он бежал из Бухареста, но был схвачен и по приговору военного трибунала 25 декабря расстрелян вместе со своей властной супругой. Образованный в срочном порядке Совет Фронта национального спасения возглавил Ион Илиеску (член бывшего ЦК РКП). Так совершилась и румынская революция 1989 года.

2.

Трансформация в Восточной Европе была бы невозможна без невиданных перемен **во всей мировой политике**.

Кардинальным пунктом здесь были новые **отношения СССР с другой сверхдержавой**. Они необходимы были, чтобы: а) снять угрозу ядерной войны, которая делала страну заложницей гонки вооружений и милитаристской мобилизационной системы; б) ликвидировать губительное давление ВПК на экономику, политику, общественное сознание; в) разрядить конфронтационную атмосферу в международных отношениях в целом, в том числе — убрать уродующее развитие «третьего

мира» соперничество там «великих» и сократить идущие туда расходы.

Формальной датой прекращения холодной войны можно считать советско-американскую встречу на **Мальте**. Джордж Буш-старший, принявший в январе 1989 года эстафету от Рейгана, «взял паузу» для размышления о дальнейшей линии в отношении СССР. В мае «пауза» закончилась и новый госсекретарь Джеймс Бейкер, сменивший Шульца, съездил в Москву. А в начале июля Буш сообщил Горбачеву, что предлагает встретиться «накоротке» на «нейтральной почве». Встреча состоялась в начале декабря **89-го года** на корабле у берегов Мальты, прошла на пределе откровенности и готовности сотрудничать. Мальта стала символом крутого поворота в мировой политике.

Лидеры СССР и США заявили там, что **отныне не считают свои страны противниками. Это означало начало конца биполярной конфронтации.**

Путь к такому взаимному отказу от «образа врага» был не простой. Ступени этого пути были вымощены огромной работой обеих сторон, получившей заряд энергии от перестроечной политики «нового мышления». Главные ступени таковы:

Женева (ноябрь 1985 года) — первая встреча нового советского лидера с Рейганом, по итогам которой (по предложению, кстати, именно американского президента) было заявлено, что «ядерная война недопустима и в ней не может быть победителей». При такой констатации гонка вооружени, по сути, теряла политическое обоснование.

Рейкьявик (декабрь 1986 года). — Хотя не удалось сделать первый шаг к реализации генеральной идеи Горбачева о ликвидации ядерного оружия и не был принят (из-за СОИ) план сокращения наполовину всех трех видов стратегического ядерного оружия, тем не менее произошел принципиальный сдвиг в понимании возможности начать именно с этой администрацией (Рейган и Шульц) процесс прекращения холодной войны.

Визиты Горбачева в Вашингтон (декабрь 1987 года) и **Рейгана в Москву** (29 мая — 1 июня 1988 года), показавшие возможность сближения двух наций не только на государственном уровне, но и на общественном.

Первый договор (РСМД, 1987 год) о ликвидации целого типа ядерного оружия — ракет средней и меньшей дальности — начало реального, материально выраженного процесса обуздания гонки вооружений.

Программное выступление Горбачева в ООН (декабрь 1988 года), где перед всем миром было заявлено о принципиальном отказе Советского Союза от основанной на идее несовместимости двух социальных систем политики конфронтации, о диалоге и стремлении к сотрудничеству как приоритетных международных принципах.

1989 год был финальным на трудном пути к Мальте.

Сколько вздора, фальсификаций, домыслов на тему об окончании холодной войны появилось за 20 лет и в печатной журналистике, и на экранах TV, в диссертациях и лекциях... вопреки исследованиям серьезных ученых, вопреки документам и свидетельствам непосредственных участников событий. Несостоятельность ложных объяснений конца холодной войны происходит нередко оттого, что анализ величайшего, эпохального события делается на «дипломатическо-мидовском» уровне, когда проблемы топятя в мелочах, исторический процесс сводится к дипломатическим играм — кто кого объегорит...

Теперь даже в самих США появились сомнения насчет «победы в холодной войне»⁴. Как подтверждают серьезные исследования, Рейган, которому мир во многом обязан тем, что с этим безумием было покончено, не считал, что он «победил Горбачева». Пойдя навстречу Горбачеву, он создал условия, при которых Генеральный секретарь ЦК КПСС мог себе позволить отказаться от продолжения холодной войны⁵.

⁴ Самые последние исследования подтверждают это: James Mann «The Rebellion of R.Reagan». Viking, USA, 2009; Gordon S. Barrass «The Great Cold War. Jowney Through the Hall Mirrou». Stanford. California, USA, 2009. Jack F.Matlock (бывший посол в Москве). «Reagan and Gorbachev. How the Cold War ended». 2004.

⁵ Вот как James Mann подводит итог усилиям Рейгана, искренне желавшего прекратить холодную войну: «Reagan didn't win the Cold War, Gorbachev abandoned it... Reagan helped create the climate in which the Cold War could end» (Op. cit., p. 346). Не стремился Рейган и «разрушить Советский Союз». Нет таких слов ни в опубликованных теперь его дневниках, ни в его публичных заявлениях, ни в частных или служебных беседах президента США. Отрицают такое намерение жена президента Нэнси и его ближайшие сотрудники — Карллуччи, Шульц, Уайнбергер.

Падение «коммунизма» — да, заветная мечта Рейгана. Но не политика США была причиной «краха коммунизма».

Горбачев тоже не рассчитывал на «победу» в холодной войне. Он и его тогдашние сподвижники понимали и **признавали**, что в дальнейшей «гонке» на новом технологическом витке **мы проиграем**, не выдержим чудовищного «соревнования».

Но дело не только в этом. Весь смысл деятельности Горбачева, его «нового мышления» обращен был к тому, чтобы изменить само представление о величии страны — мыслить его не в критериях военной, устрашающей мощи, а в экономических и морально-политических достоинствах.

Советско-американское «сближение» имело геополитически, безусловно, «основополагающее» значение. Но для нас оно носило преимущественно внешнеполитический характер, не затрагивающий прямо сути перемен внутри СССР. А вот **европейское направление** (которое, естественно, переплеталось с американским), наряду с экономической заинтересованностью, содержало и глубинное **цивилизационное** начало.

В заявлениях Горбачева на Политбюро, в его предложениях, поручениях, в беседах с западноевропейскими лидерами, в публичных речах в Праге, Лондоне, Париже и **особенно в Страсбурге**⁶, в испанских университетах, в его концепции «общеевропейского дома», в настойчивости по созыву Обще-европейского Совещания в Париже в 1990 году и в речи, там произнесенной, в незаменимой его роли в объединении Германии — везде просматривается его стремление **оконча-**

⁶ В июле 1989 года в рамках визита во Францию, отмечавшую 200-летие своей Великой революции, Горбачева пригласил Совет Европы выступить в Страсбурге на Парламентской Ассамблее Совета. В своей большой речи там, обращаясь к представителям народов Европы, он подробно изложил европейскую политику СССР, выдвинул конкретные предложения по общеевропейскому сотрудничеству в области безопасности, экономических и научно-технических связей, защиты окружающей среды, совместной ликвидации последствий природных и техногенных катастроф, взаимодействия по культурным и гуманитарным вопросам. Эта речь аккумулировала всю сумму общеевропейских идей Горбачева. Он призвал политиков стран Европы, США и Канады задуматься о последующих этапах движения к европейской общности XXI века, назвал реальной, хотя и не близкой, перспективу образования «обширного экономического пространства с высокой взаимосвязанностью восточной и западной его частей.

тельно утвердить «петровский выбор» страны как безоговорочно европейской. Везде у него всё к одному: сдвинуть свою страну в ее **естественное, т.е. европейское русло.**

К 1989 году Горбачев добился коренного перелома к улучшению отношений практически со всеми странами Западной Европы, включая ее главные величины — Великобританию, ФРГ, Францию, Италию, Испанию. Сам его диалог с государственными деятелями этих и других стран — по своей необычной для дипломатии лексике, по манере общения, по провоцирующей взаимность откровенности — представляет собой самостоятельную ценность в истории международных отношений.

Именно здесь, в Европе, происходило включение «момента общности» исторического прошлого, культурного родства, брачных связей, языковых заимствований и т.п. Деидеологизация приобрела здесь «самодвижущуюся» инерцию еще до того, как формально закончилась холодная война. И именно в Европе наиболее впечатляюще проявил себя распад коммунистического движения, олицетворявшего «во главе с СССР» вселенский раскол на две экзистенциалистски «непримиримые» системы.

Цивилизационным выбором определялась и политика Горбачева в отношении государств Восточной Европы.

Отказ от «доктрины Брежнева», с чего он начал новые отношения с союзниками, а затем и отказ от применения силы в ответ на крутые революционные перемены у соседей диктовались и моралью «нового мышления», и здравым смыслом, побуждавшим считаться с волей народов. Делать то, что шло бы ей наперекор, было бы просто преступным.

То, что произошло в Восточной Европе, отвечало назревшей исторической потребности в преодолении раскола Европы. Другое дело, что это обернулось на какое-то время против России. Ирония истории бывает коварна.

Глядя с нынешней временнóй «высоты» (заслуживает ли она такого слова!), можно предположить, что образование общеевропейской общности, органично включающей в себя Россию («новый СССР»), означало бы возникновение едва ли не самого мощного локомотива для всего общечеловеческо-

го, гуманистического прогресса. И ту раскольническую тенденцию, которую внесли в европейскую интеграцию бывшие советские республики и сателитты, можно было своевременного погасить.

Как бы там ни было, благодаря Горбачеву «возвращение» России в Европу состоялось. И необратимость этого, что бы тут ни случилось, зафиксирована **падением Берлинской стены**. 1989 год можно считать **финальным** в том, что он успел и смог сделать по **европеизации России** в XX столетии. Парижская Хартия для Европы от Ванкувера до Владивостока зафиксировала это документально.

3.

Устранение двух основополагающих признаков могущества и авторитета Советского государства (диктаторский державный монолит и претенциозный идеологический статус) ставили под вопрос само существование СССР как имперской державы.

В перестроечной атмосфере, ослабившей унитаристские колодки, национальные противоречия вырвались наружу и скоро приобрели угрожающий для Союза характер. Идеи большей и даже полной независимости расползались по республикам. Апрельские события в Тбилиси подлили масла в огонь разгоравшихся на национальной почве конфликтов. Лидировала в сепаратизме Прибалтика. Приближалось 50-летие советско-германского договора 1939 года, и всплыла тайна о секретных протоколах. В мае Верховные Советы Литвы и Эстонии потребовали признать договор 1939 года незаконным с момента его подписания; к ним вскоре присоединилась Латвия. Верховный Совет Литвы принял Декларацию о государственном суверенитете республики. Ни решения запоздалого пленума ЦК КПСС по национальному вопросу (сентябрь 1989 г.), ни постановление Второго съезда народных депутатов СССР по договору 1939 года (декабрь) уже не могли разрядить обстановку. В повестку дня встал вопрос о новом Союзном договоре.

Подъем национализма во многих местах советской державы имел свои причины. Но болезненно-лихорадочный, истеричный и русофобский характер придали ему республиканские «элиты», действовавшие отнюдь небескорыстно. Само же вторжение национального фактора в судьбы страны было неизбежным и неотвратимым: «советская империя» к концу XX столетия становилась анахронизмом.

Это сказалось и на самой российской нации, на ее самоощущении. Великороссам и всем обрусевшим или близким к ним народам предстояло переосмыслить свою идентичность, свое положение в мире. Русскую нацию настиг социально-психологический кризис. Он проявил себя в ходе перестройки, особенно остро — **в 1989 году**.

Мог ли Союз — за очень короткий в той ситуации срок — обрести какое-то совершенно новое обличье, иную форму и совсем другое содержание, — об этом спорить будут долго. **Но произошло то, что произошло.**

Решающим для судьбы перестройки было, однако, **социально-экономическое положение**, сложившееся к 1989 году.

Поначалу основная масса людей, так или иначе связывавшая свои личные дела и заботы с положением в стране, приветствовала новый стиль лидера, поддержала заявленный курс. Горбачев очень рассчитывал на этот «человеческий фактор» и старался его «разбудить», всячески поддерживал «сверху». Значительную часть населения «разбудить» удалось. «Народ» почувствовал вкус свободы. Но сразу же столкнулся с номенклатурой. Началось отторжение от административно-бюрократической власти. А заодно — и от КПСС, ее олицетворявшей. Недаром же во многих местах, где появлялся Горбачев — от Норильска до Кубани, а также в письмах Генсеку, люди требовали «открыть огонь по штабам»⁷. Особенно лихо действовали шахтеры. Неординарный съезд колхозников показал, что была «затронута» и деревня.

Однако демократизация пробудила не только энергию, необходимую для продолжения реформ. Она развязала стихию, опасную для упорядочения преобразований. «Человеческий фактор» бурлил в десятках и сотнях разных «ассоциаций»

⁷ Лозунг хунвейбинов во время «культурной революции» в КНР.

и «обществ», клубов и «групп», «союзов» и объединений «по интересам», в забастовочных и прочих комитетах, самодеятельных изданиях, областных, народных и национально-республиканских фронтах... Нескончаемые митинги, политизированные демагогами забастовки подрывали экономику, обесценивали попытки перевести ее на новые принципы и основы.

Прежние управленческие механизмы и органы правопорядка, основательно уже дискредитированные, а то и просто саботировавшие горбачевскую политику, не справлялись со своими функциями. Для формирования новых не оказалось ни кадров, ни времени.

«Хирургия» в лечении «плохого социализма» была отменена, а демократическая «терапия» не была еще освоена, да и вряд ли могла спасти положение, тем более что уже все сильнее ощущался начавшийся финансово-экономический кризис.

Советский Союз, вынужденный повязать себя с внешним рынком, еще в начале 70-х гг. начал усаживаться «на трубу»⁸. Но произошел обвал цен на нефть. Политика перестройки лишилась важнейшего материального ресурса.

Энтузиазм энтузиазмом,.. а повседневная жизнь с ее трудными проблемами никуда не делась. В нашем «дефицитном» обществе грозно замаячила вновь формула (она же и дилемма): «свобода — колбаса». От нее нигде и никогда не уйти при оценке роли масс в истории. Свобода — конечно, хорошо, хотя еще не очень понятно, что с ней делать. Но желательно, чтобы была и «колбаса», да побольше, чем прежде. На деле же в ходе перестройки (как и при всякой революции) ее становилось все меньше. И маятник качнулся в сторону от первой составляющей дилеммы — ко второй. «В гущу трудящихся масс» началось отторжение перестройки.

В этот критический момент — в 1989 году — перестройка получила коварный удар в спину со стороны тех, кто был до того ее опорой и глашатаем — со стороны самой политически

⁸ Благодаря «трубе» реформировать уже ничего стало не надо. Предложения на этот счет гасились. Хотя «никто не хотел войны», в том числе, конечно, и Брежнев, доходы от «трубы» все равно шли в топку ВПК и милитаризма, который был неременным «инструментом» режима и его международной практики.

активной части интеллигенции. Она, как Есенин, «задрав штаны», «в коммунизм», ринулась в открытые ворота к перестроечной свободе. Но, как уже не раз с ней случалось в России, не выдержала, ударилась в панику.

Сыграв свою незаменимо огромную роль в начале перестройки, интеллигенция сама же помогла ее сорвать. Пресса в ее руках напоминала стихию безбрежной безответственности, сеяла смуту в умах и раздор в обществе. Критицизм превращался в бесшабашное, злобно-сенсационное критиканство, разносное и оскорбительное, «желтое».

Злоупотребив гласностью, новоявленные идеологи рванули, как тогда говорили, в «радикальном» направлении, понося перестроечную власть за то — как это у Пастернака, — «что дважды два не сразу сто». В публицистическом цунами быстро был разрушен идеологический стержень советского строя — марксизм-ленинизм, выполнявший роль «государственной религии». А взамен — вакуум, который стал быстро заполняться капиталистической начинкой: никакой другой в наличии не было: — социал-демократическая была основательно затоптана в СССР за 70 лет.

Мало того — «прорабы перестройки» пошли в услужение к Ельцину, некоторые из них переродились в интеллектуальную службу режима Путина. Сказалась релятивистская мораль, взращенная советской системой, и крепостнический инстинкт отдаваться тому, кто выдает себя за более сильного или обещает быть таковым⁹.

Недовольством в массах воспользовалась номенклатура. Разгром «Нины Андреевой» не ликвидировал самого этого «явления». Напротив, угроза потери властных полномочий и должностных привилегий после XIX партконференции резко усилила и ожесточила сопротивление с КПСС'овского фланга. А озлобленная часть бывшей перестроечной интеллигенции de-facto примкнула к этой номенклатурной оппозиции. Образовался разношерстный, но мощный политический фронт против лидера перестройки, на ком она фактически к этому времени только и держалась.

⁹ Бабыя черта, свойственная, по Бердяеву, всей русской нации, ее интеллигенции — особенно.

Явственно все это «сошлось» опять же в 1989 году. Последующие два года для Горбачева и его стремительно сокращавшейся «армии перестройки» — это отчаянная борьба за ее спасение и заодно — спасение страны.

4.

Судьба попытки «улучшить» общество, реанимируя строительство социализма, апеллируя к первоначальным высоким идеалам Великой революции, тем более поучительна, что была предпринята с самыми честными, гуманными намерениями, во имя нравственного оздоровления нации, для возрождения ее подлинного величия.

Причины того, что не получен был искомый результат, многочисленны, многозначны и остаются предметом острых дискуссий. Общество, измотанное на протяжении десятилетий грубыми, жестокими переделками, покалеченное Войной и репрессиями, не раз обманутое, не захотело подвергать себя на этот раз «самопеределке» ради собственного будущего. А ждать, когда придет благополучие само собой (т.е. «сверху»), терпения уже не хватило. И оказалось оно в руках передельщиков «по-большевистски», только наоборот. Но — это не наша тема.

Впрочем, все великие революции приводили в конце концов не к тому, на что рассчитывали их инициаторы и идеологи. Тем не менее (признаем правоту Маркса) выполняли свою (по необходимости жестокую) роль локомотивов истории.

Попытка прорыва к новому качеству существования страны не получила должного продолжения. Она не реализовала всего того, что содержалось в замысле прорыва. И поэтому не последовало коренной перемены в **национальном самознании**, необходимой для критической самооценки и самоорганизации общества на иных цивилизационных принципах.

Расширение пространства свободы получилось, но не произошло перелома на «трансцендентном»¹⁰ уровне. «Обще-

¹⁰ Имеется в виду не кантовское гносеологическое понятие, а первоначальное, идущее от Дунга Скотта — благополучие общества, основанное на нравственных нормах.

человеческие» ценности, провозглашенные Горбачевым, провавшие пути государственной идеологии, не пустили корней, не закрепились даже в узком, политико-демократическом, смысле. Тем более не стали они **социально нравственной доминантой** перехода страны в XXI век.

А потребность в этом уже постучалась в двери Истории. Кризис не только «советского социализма», а и отдаленные сполохи системного кризиса всего мирового состояния приближали человечество к **катарсису**, к такому выходу в будущее, который можно сравнить разве с появлением христианства — в ответ на кризис античного мира.

Перестройка усложнила и структуру, и образ жизни. Но сложность, «по определению», провоцирует реакцию, которая всегда стремится к упрощению системы. В нашем случае реакция воспользовалась свободой. Жертвой этой свободы — в «ельцинском варианте» — стала культура как фактор развития. За ее ненадобностью сошла на нет и интеллигенция — как особый и неповторимый социальный феномен. «Растворилась» эта интеллектуальная и гуманистическая величина, явленная миру только в России и олицетворявшая ее действительное величие. (Остались «отдельно взятые» интеллигенты и «образованщина»). Это потеря не только национального значения, но и для всего того, что последовало за **1989 годом**.

Энтропия общества, начавшаяся еще в советские времена и задержанная перестройкой, после ее падения ускорила свой ход. После распада СССР ее признаки видны во всем на каждом шагу.

Для будущего всего человечества, однако, важно, что перестройка и политика «нового мышления» предотвратили «конец истории» (уже не по Фукуяме, а хуже), дали ей шанс идти дальше, с более широким, глобальным захватом и с такой скоростью, которую диктует XXI столетие.

Появление такой личности, как Горбачев с его «новым мышлением» и именно в середине 80-х годов — все-таки случайность. Но то, что он начал действовать так, как он действовал, — закономерно.

У нового советского лидера выбор был: адаптировать свои планы к реалиям эпохи Брежнева-Андропова-Черненко, или **отважиться на прорыв**.

Конкретные меры, принятые им и его соратниками в 1985–89 годах, были «правильными», если их оценивать с позиций строгого историзма. Они были срочно необходимы для удовлетворения — хотя бы минимально — нормальных потребностей населения в обществе, инфицированном и покалеченном сталинизмом и брежневщиной. Однако во всех действиях Горбачева, пусть сугубо прагматических и неотложных, налицо была **тенденция** — преобразовательная, имеющая целью вывести народ из тоталитарного плена, раскрепостить его экономически, политически, духовно-психологически.

Невозможно было решать проблемы развития, не посягая на «развитой социализм» и не прекратив холодной войны, участие в которой разоряло страну, не говоря уж о том, что она несла угрозу самому ее существованию — да и цивилизации как таковой.

За годы после распада СССР появилось немало претензий к Горбачеву, обвинений в его адрес и еще больше рекомендаций — как бы ему следовало поступать. Они подчас противоречат друг другу, и многие, что называется, не *valable*, а по-русски, «не в ту степь», уводят в сторону от сути дела.

Речь ведь шла о **движении истории** на ее великом переломе, когда в ее мощном потоке, хлынувшем через сорванную с заржавелых «заклепок» плотину, оценки «правильно-неправильно» превращаются в частности. Тем более, что — как теперь-то уж хорошо видно, и это отмечают многие исследователи — процесс перемен в СССР приобрел в 1989 году «автономный», практически неуправляемый характер, обнаружил уже иную логику движения.

Содержание исторического подвига Горбачева многообразно. Но в нем есть **две** главные, обобщающие ипостаси. Они-то и сомкнулись в 1989 году:

- 1) ликвидация тоталитаризма в одной из определявших ход истории сверхдержав, заодно снятие неопределен-

ности в ее принадлежности то ли к Европе, то ли к Азии, то ли к ним обеим;

- 2) прекращение загонявшей мировой процесс в тупик конфронтации двух систем.

И то, и другое к концу XX века вписывалось в общую логику цивилизационного процесса. Ни сам Горбачев, ни кто другой не могли предвидеть всех последствий подготовленного им **прорыва в будущее**.

Здесь иллюзии мешались с интеллектуальной, политической, институциональной неготовностью международного сообщества встретить **такой** вызов. А исчезновение великого государства, ставшего было «главным игроком» в подъеме человечества на новый уровень, привело к тому, что истории пришлось «потоптаться» на месте, пока на нее не обрушился шквал небывалого, глобального кризиса.